

СЛОВО, ВЕДУЩЕЕ В БОЙ

ВОЗЗРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА
КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН:
70-80-ЫЕ ГОДЫ

Даниил Цыганков

Санкт-Петербург

Конечно, Солженицын не партийный публицист и не политик, он - великий художник, мастер слова. Если и вмешивается он в общественную жизнь, то исполняя долг русского писателя. Да и трагедия России в XX веке, яро выбивавшем русский отбор, заставляет Солженицына поворачиваться за десятерых. Не забудем и завораживающую судьбу его: война, лагерь, раковый корпус, покушение КГБ - сколько раз на краю жизни! А с какого-то момента жизнь открыто брошена на весы схватки с Драконом. Все это придает солженицынской вести метафизическую глубину и визионерскую значимость.

Я не претендую осветить всю публицистику Солженицына. Это уже осуществлено Д.Штурман в книге «Городу и миру» (Париж, 1988). Я сознательно не буду касаться многочисленной критики Солженицына. Она, за редким исключением, основывается на передергивании цитат или откровенной лжи, и ее изложение потребовало бы объемных «сравнительных» таблиц. Я лишь попытаюсь дать социологическую интерпретацию взглядов человека, к которому так подходит характеристика, данная Герценом Константину Аксакову: «Аксаков был односторонен, как всякий воин; спокойно взвешивающим эклектизмом нельзя сражаться ... он за свою веру пошел бы на площадь, пошел бы на плаху, а когда это чувствуется за словами, они становятся страшно убедительны» («Былое и думы»).

***

Как взломать стену лжи? Как прорвать блокаду немоты? Как поднять ввысь светоч свободы? Солженицын не возглавлял государства, не командовал армией, не руководил партией. Он лишь говорил правду. Бесстрашно бросал ее в зубы тоталитарной власти. Не колеблясь критиковал слабости Запада. Но эта Правда, заражающая отгагой, меняющая мир, подрывающая Великую Ложь - не прозвучала бы с такой силой, не будь выражена посредством искусства. В этом смысле правомерно связать «политическую эффективность» солженицынских идей с его эстетическим кредо.

Нобелевская лекция Солженицына трактует искусство как непреходящую и действенную ценность. Исходя из платоновской триады «Истина-Добро-Красота», Солженицын задается вопросом: «Если вершины этих трех деревьев сходятся,... но слишком явные, слишком прямые поросли Истины и Добра задавлены, срублены, не пропускаются, - то, может быть, причудливые, непредсказуемые, неожиданные поросли Красоты пробьются и взвоятся в то же самое место, и так выполнят работу за всех трех?» (1). Добро часто теснится Злом, а Ложь искажает Истину, и происходит иссечение национальной памяти, перестает пониматься людьми История. Но остается ... искусство, над которым зло и ложь не имеют власти, ибо бессильны пред Красотой. «Красота спасет мир» - повторяет Солженицын вслед за Достоевским. Спасает, потому что становится не только критерием, но и орудием добра и истины. Зло, ворвавшееся в мир насилием, сплетено с ложью. Укрепившись, оно уже чаще не душит глотку, а требует присяги лиси. «И простой шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! ... Писателям же и художникам доступно большее: победить ложь!... А едва развеяна будет ложь, - отвратительно откроется нагота насилия - и насилие дряхлое падет... мы способны помочь миру в его раскаленный час. Не отнекиваться безоружностью, не отдаваться беспечной жизни, - но выйти на бой!» (2).

«Архипелаг ГУЛАГ» потому и сыграл роль могильщика коммунизма, что представлял из себя художественное исследование, а иным и быть не мог. «В условиях, господствующих на сегодняшний день в Советском Союзе, не может быть осуществлено научное исследование этой темы и, конечно, никогда не сможет быть. Оттого что все документы, во всяком случае, большая их часть, как и большинство свидетелей, были уничтожены. По той же причине никогда не будет опубликовано полное и строго научное исследование, со всеми статистическими данными. ... Художественный метод познания действительности дает возможности,

которых не может дать наука. Известно, что интуиция обеспечивает так называемый «туннельный эффект», другими словами, интуиция проникает в действительность как туннель в гору... Там, где науке не достаёт статистических данных, таблиц и документов, художественный метод позволяет сделать обобщение на основе частных случаев. С этой точки зрения художественное исследование не только не подменяет собой научного, но и превосходит его по своим возможностям» (3).

На мой взгляд, плодотворно сопоставить Солженицынский метод познания с теоретическими построениями И.А.Ильина, разработавшего метод познания, названный им "путь к очевидности". Иван Ильин считал, что ученый (и в частности - историк) должен не выдумывать систему, но честно и адекватно воспроизвести предмет исследования, который может иметь и не систематическое строение. Ученый не может втискивать предмет в рамки рационального мышления, не смеет диктовать ему, не имеет права подчинять его своей гипотезе. Следуя за феноменологами, Ильин занимает исходную точку в человеческой субъективности и в том мире, в котором живет конкретно действующий человек. Залогом объективности приобретаемого знания становится личный, частный опыт, очищенный от влияния "идолов", если вспомнить Бэкона, воспринимающий жизненный мир естественно. Субъект опирается на интеллектуальную интуицию - способность человеческого сознания, соединяющую качества созерцания и мышления. Рациональная сторона интуиции позволяет научно осваивать мир, а иррациональная - быть источником полноты и цельности познания. Субъект проникает в ткань предмета, заживает с ним одной жизнью, в его душе разворачивается содержание предмета с его особыми законами и живым ритмом, т.е. происходит, по словам Ильина, некое художественное перевоплощение.

В полной мере «метод очевидности» Солженицын применяет в «Красном Колесе». Это и блестящие психологические портреты множества исторических фигур - Солженицын усваивает их созерцание и показывает его силу и ограниченность. Это и отказ от систематической концепции революции, предоставляющий самому читателю взвесить вину и ответственность тех или иных людей, слоев, партий, групп, народов. Это и независимый наблюдатель - Воротынцев, «второе я» писателя, введенный в ткань предмета. Предмет, к которому направлена интеллектуальная интуиция Солженицына - РОССИЯ. Именно она главный герой, постоянно (часто незримо) присутствующий персонаж полифонической эпопеи, должной ответить, почему произошла революция, сгладившая десятки миллионов людей. Книга застает в действии

отдельных людей, которые и творят Россию - готовое рухнуть, но каждым действием свободного деятеля ежесекундно воссоздаваемое единство - жизненный мир, заполненный человеческой культурой и собственно человеческим содержанием. Человек - не заложник и не жертва социальной структуры, а ее творец, и от его действий зависит, будет ли раскручиваться «красное колесо» или замедлит свой внешне необоримый ход. Каждый поступок - выбор, каждое столкновение - развилка, каждый человек абсолютно ответствен за ход истории: «История - это сами мы...» (4). Если дух человека на высоте, то он проявляет свое активное, ведущее начало, и может противостоять самой могущественной в мире силе. Солженицын - христианский персоналист, признающий над человеком высшую силу, но не вмешивающий Христа в мерзости мира. Он признает возможность чуда, но нужно трудиться ему навстречу и страстно верить. Эстетическая установка претворяется в социальном активизме, осененном христианской верой. Слово обретает плоть поступка. Оно выходит за рамки литературного текста. Вообще, все позднейшие идеи Солженицына можно найти в его художественных произведениях, публицистика лишь дополняла их более огрубленными, но потому - более доступными сознанию политиков как Востока, так и Запада аргументами. Хотя можно указать и на обратный путь идей - из статей в роман. В любом случае Солженицын остается верен себе, не ограничиваясь узостью лево-правых суждений («Духовная суть вопроса всегда объемная. У нее есть высота, глубина, ширина») (5), и благодаря своей интуиции видит общественные явления с неожиданной стороны.

Солженицын сознательно вводит в свои исследования ценностный подход, различающий Добро и Зло, отрицая тем самым релятивизм. Он уверен, что их различить может любой человек, понявший, «что мировая разделительная линия добра и зла проходит не между странами, не между нациями, не между классами, даже не между хорошими и плохими людьми: разделительная линия пересекает нации, пересекает партии, и в постоянном перемещении то теснима светом и отдает больше ему, го теснима тьмою и отдает больше ей. Она пересекает сердце каждого человека, но и тут не прорублена канавкою навсегда, а со временем и с поступками человека - колеблется» (6). Потеснив зло в своем сердце, человек может (и должен!) противустать мировому Злу. Хотя бы силой воли, но если потребуется - и силой меча. Для Солженицына таким Злом являлся тогдашний мировой коммунизм.

Символично, что первое публицистическое выступление Солженицына, вышедшее за собственно литературные темы, касалось религии. В «Великопостном письме всероссийскому Патриарху Пимену» Солже-

ницын высказывает свою излюбленную мысль о сопротивлении злу силой, и прежде всего - силой духа. Кому как не пастырям Русской Православной Церкви показать пример, хотя бы и сопряженный с жертвой? Христиане первых веков показали этот путь и одержали победу, но «тогда бросали ль в а м , сегодня же можно потерять только благополучие» (7). Уже в изгнании Солженицын еще раз вернется к этой теме: «... приходится признать, что та декларация (Декларация 1927 г. митр. Сергия Страгородского - Д.Ц.) не была спасением Церкви, но безоговорочной капитуляцией, облегчающей властям «плавное» глухое уничтожение ее» (8). Солженицын оплакивает «ложную линию угодничества, начатую митрополитом Сергием (однако тоже еще в обстановке трудно постигаемой), а его последователями продленную и даже раскатанную по наклонной вниз. Но и им легко ли было освоить, что не от их подписи зависит неуклонное возрождение Церкви? Что, напротив, *отказав* большевикам во всех уступках, они славней и успешней восставили б ее?! Это теперь мы обучились, да и то не все, что людовраждебной силе, впервые вообще указанной в XX веке и первыми нами, в России, недопустимо духовно подчиняться никогда ни на вершок: всегда - гибель» (9).

Следующий адресат, если можно так выразиться, - Запад. Осенью 1973 в норвежской «Афтенпостен» появилась статья «Мир и насилие», конкретно разъясняющая Нобелевскую лекцию. Солженицын сосредоточивает свое внимание на западных иллюзиях, искажающих пропорции бытия: «Противопоставление «мир-война» содержит логическую ошибку: целая теза противопоставляется *части* антитезы. Война есть массовое, густое, громкое, яркое, но далеко не единственное проявление никогда не прекращенного многоохватного мирового насилия. Противопоставление же логически равновесное и нравственно-истинное есть: МИР - НАСИЛИЕ» (10).

Солженицын обличает лицемерие многих западных протестов: << протестуют там, где не опасно для жизни, где ожидают отступления оппонента и где не попадешь под осуждение «левых» кругов (желательно протестовать всегда с ними заодно). ... До наступления резвого оборотистого XX века одновременное существование двух шкал нравственных оценок в человеке, общественном течении или даже правительственном учреждении называлось *лицемерием*. А как назовем это сегодня?» (11). И неумолимо следует вывод, опертый на нравственный критерий: « ... служит миру не тот, кто рассчитывает на добродушие насильников, по тот кто неподкупно, непреклонно и неумолимо отстаивает права угнетенных, покоренных и убиваемых» (12).

Третий "адресат" Солженицына - вожди Советского Союза. Написанное летом, а отправленное осенью 1973, письмо им было пушено в самиздат в начале следующего года, когда стало ясно, что отпета от правящей верхушки не будет. Отправляя его, Солженицын рассчитывал, «что если отцы их были простые русские люди, многие - мужики, то не могут же детки ну совсем, совсем быть откидышами? ничего, кроме рвачества, только - себе, а страна - пропади? Надежду убедить - нельзя совсем потерять, это уже - не людское» (13). В чем-то надеясь на "мистику русских душ" вождей, Солженицын обращается к ним прежде всего как к крайним реалистам и указывает на две опасности, грозящие стране: войну с Китаем и общую с мировой цивилизацией гибель в тесноте и смраде изгаженной планеты. К войне клонит и давление миллиардного перенаселенного Китая на неосвоенные сибирские земли, но гораздо более важна, по мнению Солженицына, другая причина - «уже 15 лет между вами и вождями Китая идет спор о том, кто вернее понимает, толкует и продолжает Отцов Передового Мировоззрения. И помимо и острей государственного столкновения между нами вырастает это глобальное соперничество, претензия единомысленно толковать коммунистическое учение и в нем вести именно за собою все народы мира» (14). Но возникни война, неужели десятки миллионов лягут за мертвую букву идеологии? В свое время Сталин только потому и выиграл «Отечественную» войну, что отбросил коммунистическую идеологию и воззвал к русскому патриотизму. В военное время такую переориентировку будет совершать сложнее, не лучше отбросить мертвую догму сейчас, чтобы военный конфликт отодвинулся надолго, а может и навсегда? С другой стороны, марксистская идеология - лишь частный случай идеологии Просвещения, а потому и капиталистический Запад, и социалистический СССР уткнулись в тупик «бесконечного прогресса» вследствие одной и той же ошибки безрелигиозного гуманистического мышления.

Впрочем, полагал Солженицын, Запад справится со своими трудностями, а «третий мир» заблаговременно пойдет по пути «раздробленной технологии», требующей не сокращения ручного труда, но увеличения его, техники самой простой и основанной только на местных материалах. Но вот мы? Если не откажемся от материалистических марксистских догм, то не выберемся из тупика неоглядной траты ресурсов, истощения почвы и просторов. Но еще сохранилось пространство, не испорченное материалистической гонкой - русский Северо-Восток, куда и следует перенести центр государственного внимания и национальной деятельности с далеких континентов, с Восточной Европы

и даже с юга страны. Конечно это приведет к снятию опеки с социалистического лагеря, и не будут насильственно удерживаться в пределах страны окраинные нации. Такая ориентация может быть осуществлена только при отказе от курса на мировую революцию, то есть опять же от марксизма - дряхлой, безнадежно устаревшей идеологии, которая ошиблась во всех своих предсказаниях и никогда не была наукой, но только захламляла всю жизнь общества, мозги, речи радио, печати - ложью, ложью, ложью.

Солженицын не желал немедленной смены тогдашних правителей, что только вызвало бы гражданскую войну и дало сомнительный выигрыш в качестве руководства. Необходимо эволюционное преобразование закрытого общества, постепенное повышение пропускной способности «социальных лифтов». Для облегчения плавного невзрывчатого перехода Солженицын признает за вождями право остаться у власти: «... всех тех, от верху до низу, кого вы считаете действующим и желательным руководством, переведите, однако, в систему советскую. А впредь от того любой государственный пост не будет прямым следствием партийной принадлежности, как сейчас» (15).

Одновременно должно быть разрешено соревнование на равных правах с марксизмом и других идеологий, в том числе - православия. Анализируя ныне реформы Горбачева, можно сказать, что все здоровое в них соответствовало предложениям Солженицына: во внешней политике - отказ от финансирования мировой революции, снятие опеки с Восточной Европы; в государственном строительстве - перевод партийных работников на советские посты, разрешение свободных выборов на окраинах, где победили сторонники отделения; в идеологии - гласность (ее Солженицын предлагал как необходимую меру еще в 1969); в земельном вопросе - разрешение фермерских хозяйств. Но до перестройки (и этот термин есть, кстати, в «Письме вождям») еще оставалось двенадцать лет, а пока вожди молчат. Молчат православные иерархи. Молчит Запад. Теперь естественно обратиться к народу:

ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ!

«Жить не по лжи» появилась одновременно с письмом вождям: и народу, и правителям предлагалось сбросить с себя идеологическую мерзость. По-прежнему Солженицын верен себе, предлагая противопоставить грубой физической силе духовную правоту. Как бы разъясняя эту мысль, он в своем первом после высылки публичном выступлении скажет: «А при всем кровавом опыте минувших столетий - и самый выбор форм

преобразования должен быть тоньше и выше: мы научились уже, что физическим сотрясением государств, что насильственными переворотами открывается путь не в светлое будущее, а в худшую гибель, в худшее насилие. Что если и суждены нам впереди революции спасительные, то они должны быть революциями **нравственными**, то есть неким новым феноменом, который нам предстоит еще открыть, разглядеть и осуществить» (16).

В 1974 в свет вышел сборник «Из-под глыб». В нем Солженицыну принадлежат три статьи, в которых дается теоретическое обоснование предыдущим публицистическим выступлениям, причем - в категориях индивидуальной этики. В центре статей сборника - процесс освобождения России от коммунизма. Безболезненный переход к демократии Солженицын видит через авторитарную систему, не наносящую вреда духовной сущности человека (« На возврате дыхания и сознания»). Размышляя над накаленными национальными отношениями, грозящими вылиться в межнациональные войны при переходе к демократии, Солженицын предлагает очистительное движение взаимного раскаяния наций, хотя бы и перьями одиночек («Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни»).

Выздоровление России видится Солженицыну в дальновидном самостеснении, роспуске Союза, возвращении к той узловой точке, откуда российскую историю повлекли задачи не внутреннего развития, но внешнего расширения - территориального, хозяйственного и военного (Там же). Особо Солженицын анализирует слой советского общества, который им определяется как «образованщина». Следуя «веховской» традиции, Солженицын приходит к выводу, что на образованный слой, весьма развитый интеллектуально и очень остро политически, но совсем не развитый духовно, нет надежды в деле освобождения. Образованцы - работники умственного труда без нравственных устоев, охотно дающие государству себя использовать, присягой лжи поддерживающие режим, не способные к жертве - но оскорбительно отзывающиеся о России и русском народе... В них Солженицын с болью и гневом замечает воскресших двойников беспочвенной, антирелигиозной, противогосударственной дореволюционной интеллигентщины с ее леволиберальным уклоном и нападками на русскую историю. Солженицыну, поставившему себе основной задачей - стать памятью народа, иссечение национальной памяти кажется опасным: «Это, может быть, замысел: нашей беспомощностью воспользоваться и выворотить новейшую русскую историю - **нас** же, русских, одних обвинить и в собственных бедах, и в бедах тех, кто поначалу нас мучил, и в бедах едва ли не всей

планеты сегодня. Эти обвинения - характерны, проворно вытаснены, беззастенчиво подкинута, и уже предвидится, как нам будут их прижигать и прижигать» (17).

На кого же надеяться? Для Солженицына общество состоит не из социальных слоев, а из личностей, а потому его ответ естествен: «Из прошедших (и в пути погибших) одиночек составитя эта элита, кристаллизирующая народ» (18) Пример одного честного человека освежает всю нравственную атмосферу вокруг. Но ведь это по-новому претворенная мысль св. Серафима Саровского: «Спасись сам, и тысячи спасутся рядом!»! Духовная навигация ведет Солженицына сквозь магнитные бури, сотрясающие современные рационалистические общества.

Итак, писатель возлагал большие надежды на процесс духовного освобождения от мертвой хватки идеологии, процесс закаления характера, укрепления воли русского народа. Однако, как казалось Солженицыну, на Западе гораздо быстрее идет обратный процесс - расслабления воли, утери значения духовной жизни отдельного человека, и это не обещает человечеству ничего хорошего накануне планетарной схватки с мировым коммунизмом. Не в силах смотреть на это сползание Запада в пасть красного Дракона, Солженицын, используя всю свою мировую славу и незаурядный ораторский и публицистический талант, продолжал «подрывную антикоммунистическую деятельность».

В июне 1975 писатель произносит две речи в США. В них он пункт за пунктом развенчивает мифотворчество красной пропаганды. Солженицын указывает на жестокую эксплуатацию (гораздо худшую, чем до революции) пролетариата в СССР, на антинародность коммунистической власти, на ее бессовестные подавительные методы в течение всего правления, на ее вину за уничтожение духовенства, крестьянства, казачества, дворянства, интеллигенции, за украинский голодомор, за ссылку народов, за создание ГУЛАГа. Солженицын приводит малоизвестные места из сочинений Маркса, Энгельса и Ленина, которые доказывают человеконенавистническую направленность и заданность коммунизма, на зловещие пророчества, осуществившиеся на практике. Суть коммунизма не вскрыешь классовым анализом, с помощью юридической, экономической, дипломатической терминологии, только духовный опыт позволяет осознать его как зло, как земное посольство сатаны. Коммунизм готовится проглотить западные демократии; надо найти мужество в своих сердцах, найти великих деятелей в глубинах своих отечеств, прекратить процесс уступок. Конкретно: перестать давать займы, ограничить торговлю и передачу технологий, защищать права униженных и оскорбленных (19).

В мае 1978 Солженицын произнес речь на ежегодной ассамблее выпускников Гарвардского университета. Он осудил западный идеал счастья как благополучной жизни и комфорта. Не удержаться перед грозящими испытаниями века и юридическими подпорками, которые выбрал себе Запад для разрешения любого конфликта: «Всю жизнь проведя под коммунизмом, я скажу: ужасно то общество, в котором вовсе нет беспристрастных юридических весов. Но общество, в котором нет других весов, кроме юридических, тоже мало достойно человека» (20). Искусная солженицынская атака на слабость демократии и вседозволенность прессы напоминает самые резкие высказывания К.Леонтьева, К.Победоносцева и И.Ильина. Но есть и существенное отличие - Солженицын критикует не Запад, а слабости Запада: «... свобода разрушительная, свобода безответственная получила самые широкие просторы... Переклон свободы в сторону зла создавался постепенно, но первичная основа ему, очевидно, была положена гуманистическим человеколюбивым представлением, что человек, хозяин этого мира, не несет в себе внутреннего зла, все пороки жизни происходят лишь от неверных социальных систем, которые должны быть исправлены» (21). Поначалу напитанный христианской ответственностью, гуманизм с течением времени все более материализовывался, и его логическим следствием взрос социализм-коммунизм. Солженицын напоминает Марксово определение коммунизма как натурализованного гуманизма, что совершенно верно - в основании обоих мировоззрений общие камни: бескрайний материализм; свобода от религиозной ответственности; направленность науки на социальные построения; стремление создать земной рай. Причем логика этого сродства такова, «что всегда оказывается сильнее, привлекательней и победоносней то течение материализма, которое левей и, значит, последовательней. ...Либерализм неизбежно теснится радикализмом, тот был вынужден уступать социализму, а социализм не устаивал против коммунизма» (22). Политико-социальные преобразования отняли у человека самое драгоценное - внутреннюю жизнь. Т.о., приходит к выводу Солженицын, основное содержание мирового кризиса - кризис религиозности: «Не то даже страшно, что мир расколот, но что у главных расколотых частей его - сходная болезнь» (23). Итак, кризис не носит политического характера, и его преодоление связано с грядущим коренным поворотом - христианским возрождением, как бы переходом на новую антропологическую ступеньку.

Важное значение для понимания солженицынского отношения к коммунизму имеют две статьи, опубликованные на рубеже 80-х в американской печати и подводившие итог многочисленным ин-

тервью и выступлениям 1975-80 годов. Статью «Чем грозит Америке плохое понимание России» Солженицын взялся писать под влиянием участвовавших на Западе искажении русской истории, что перед нарастающей мировой угрозой стало особенно опасно. Она была передана в журнал «Форин Аффферс», ориентированный на специалистов. Одновременно был написан сжатый вариант этой же статьи («Коммунизм у всех на глазах - и не понят»), который был попыткой обратиться к самой широкой аудитории (первая публикация - журнал «Тайм»).

Еще раз подчеркнув тотальную враждебность коммунизма человечеству («никакое сосуществование с ним на одной планете невозможно: либо он прорастет человечество как рак и убьет его; либо человечество должно от него избавиться и то еще потом с долгим лечением метастазов» (24), Солженицын сосредоточивается на очень распространенной ошибке: «мировую болезнь коммунизма неразделимо смешивают с той страной, которой он овладел первой, - Россией» (25). Прежде всего, ошибочно использовать слово «Россия» вместо «СССР» и слово «русские» вместо «советские». На самом деле, соотношение между ними такое же, как между человеком и его болезнью.

Понимание Америкой России строилось в те годы на трех китах: американская наука - историки и слависты; дипломаты и журналисты, впечатленные московской показухой; малая кучка из новейших советских эмигрантов, специализировавшихся на поношении России.

Сталкиваясь со скудостью и деформированностью советских источников, слависты невольно повторяют проблематику, а иногда и методологию советской общественной науки. Например, стихийное крестьянское сопротивление коммунистам 1918-22 годов вслед за красной профессурой именуется «бандитизмом», или всерьез говорится об идеалах революции (которые с самого начала проявились как террористическое уничтожение миллионов).

Но самая серьезная методологическая ошибка - «неповторимые события XX века - сперва в России, затем и в других странах, объяснить не особенностью нового коммунистического феномена в человеческой истории, - но свести к исконным свойствам русской нации от X и XVI веков (взгляд - прямо расистский). События XX века объясняются неосновательными поверхностными аналогиями из прошлых веков. Пока коммунизм

был предметом западного восхищения, - он превозносился как несомненная заря нового века. С тех пор как пришлось его осудить, - его находчиво объяснили извечным русским рабством» (26). А раз коммунизм преступен не сам по себе, а в силу проклятых традиций России, то коммунизм на Западе будет хорошим.

Другой вариант - коммунизм возможен только в странах с неизлечимыми пороками, вроде России. Отсюда - чем более подавлено русское национальное самосознание в России, тем бархатнее коммунизм. Но почему, если православное возрождение - всепланетарная угроза, как утверждают западные ученые, они полностью игнорируют традицию православия в русской истории и культуре? «При изучении китайской, тайландской или любой африканской истории и культуры считается необходимым испытывать уважение к ее своеобразию. По отношению же к русскому тысячелетнему восточному христианству западные исследователи во множестве испытывают лишь презрение и удивление: почему этот странный мир, целый материк, все не принимал западного мировоззрения и все не шел по столь явно преимущественному западному социальному пути? Россия решительно осуждается за все, в чем она не похожа на Запад» (27).

Третья ошибка россиеведов США - сведение всего смысла русской истории к триаде Иван Грозный - Петр I - Сталин. Но по два или три не менее жестоких тирана можно указать в истории любой другой страны, но никто из них не определяет историю своих стран во всеобъемлющей полноте. Даже если бы удалось доказать невозможное, а именно, что ЧК, ревтрибуналы, институт заложников, ограбление народов, партийная идеология и диктатура взяты не от якобинцев, не от Маркса и не от своих же коммунистов-ленинцев, но у Ивана IV и Петра I, то и тут бы американцы жестоко просеклись с «русской традицией». Национальные мыслители порицали обоих царей, а народное сознание решительно осудило первого как злодея, второго как антихриста.

Дальнейшая аргументация Солженицына замечательна в следующем отношении. Псевдометафизическим аргументам («нечто в русской почве, созданное наследственностью или средой») и историцистским аналогиям он противопоставляет своего рода здоровый позитивизм исторических фактов - индивидуальных, неповторимых, но потому - социологически значимых. Он указывает, что Сталин лишь добросовестно выполнял инструкции Ленина, который создал коммунистический полицейский аппарат, сформулировал своим пером печально знаменитую 58-ю статью, на которой основывался ГУЛАГ, развязывал красный

террор и подвел теоретическую базу под уничтожением крестьянства. Единственное, в чем Сталин отступил от указаний Ленина, так это - уничтожение своей собственной партии (но здесь исполнился закон всех великих революций, пожирающих своих делателей).

А в дореволюционной России - какой образец мог увидеть Сталин? Лагерей - не было. Отсидочных тюрем - очень мало, и потому политических, кроме бомбистов, отправляли в ссылку на казенное сытое содержание, где их никто не понуждал работать и откуда при желании можно было беспрепятственно бежать за границу. Уголовная каторга - менее 1/10000 советских лагерей. Следствие в строгой законности, суд открыт и с участием независимой адвокатуры. Секретная полиция по всей стране имела штат меньше, чем госбезопасность одной Рязанской области. Охранные отделения существовали в нескольких крупных городах и со слабым надзором, а всякий уехавший за черту этих городов - выпадал из поля зрения жандармов. В армии перед революцией было отменено секретное осведомительство и наблюдение. Специальные пограничные укрепления и погранвойска отсутствовали, плюс полная свобода эмиграции. «Россия перед войной 1914 года была страна с цветущим производством, в быстром росте, с гибкой децентрализованной экономикой, без стеснения жителей в выборе экономических занятий, с заложенными началами рабочего законодательства, а материальное положение крестьян настолько благополучно, как оно никогда не было при советской власти. Газеты были свободны от предварительной политической цензуры (даже и во время войны), существовала полная свобода культуры, интеллигенция была свободна в своей деятельности, исповедание своих взглядов и религий не было воспрещено, а высшие учебные заведения имели неприкосновенную автономию. Многонациональная Россия не знала национальных депортаций и вооруженного сепаратистского движения... Та «плохая» Россия не нависала захватом над Европой, ни тем более Америкой и Африкой. И экспортировала она хлеб и сливочное масло, а не оружие и не инструкторов терроризма. И сокрушилась-то она из верности западным союзникам, из-за того, что Николай II продолжал бессмысленную войну с Вильгельмом, вместо того, чтобы пойти на сепаратный мир (как сегодня Сауд) -и спасти свою страну.

Недружелюбие к прежней России на Западе было раздуто усилиями русской политической эмиграции, предложившей самую примитивную схему, движимую их политическими увлечениями, - и никогда не уравновешенную никакими русскими ответами и разъяснениями, ибо в старой России понятия не имели о роли «агитации и пропаганды» (28).

Понятно, что такая теоретическая платформа не могла оказаться устойчивой для западных политиков. Дипломаты рузвельтовской школы (типа Гарримана), В.Брандт с его самоубийственной «Остполитик» и другие «умиротворители» сдавали один рубеж за другим, отдавали на смерть и поругание страну за страной. Кроме того, политики этого рода получили в свое время подкрепление от группки новейших эмигрантов из СССР, занявшихся фальшивым объяснением России. «Среди них нет крупных имен, но они быстро признаются тут профессорами и специалистами по России, оттого что быстро ориентируются, какое направление свидетельства желательно. Они настойчивы, громки, повторительны в прессе разных стран, статьями, интервью, уже и книгами - все вместе довольно дружно проводят сходную линию, которую суммарно можно бы обрисовать так: «сотрудничество с коммунистическим правительством СССР - и война русскому национальному самосознанию» (29).

И, наконец, потоки статей московских корреспондентов американских изданий. «Содержание этих статей все то же: грозная опасность для Запада возрождения русского национального самосознания, затем - беззастенчивое смешение православия с антисиметизмом (если не прямо пишут, что они тождественны, то назойливо ставят их в смежных фразах и абзацах), и затем ещё одна особая теория: что подымающееся русское религиозно-национальное самосознание и снисходящие прожженные коммунистические вожди не имеют другой мечты, как слиться воедино в некое «новой правой», - и лишь непонятно, что им все эти годы мешало слиться, чей же запрет? На самом деле религиозные и национальные круги в СССР только преследуются - всеми уголовными методами» (30).

При такой осведомленности и таких информаторах и возник фантастический перекося, что главная проблема тогдашнего СССР - эмиграция. Но разве проблемы такой огромной страны, спрашивает Солженицын, можно свести к отъезду кого-либо из нее? Неужели в ней не происходит ничего, более заслуживающего внимания - например, процесс уничтожения русского крестьянства брежневскими бульдозерами - физического уничтожения изб, деревень, сгона крестьян в поселки индустриального типа, конца связи с землей, национальных традиций, быта, народного характера, русского пейзажа? И в этот момент смертельной опасности для самого будущего существования русского народа - информаторы Запада кричат о самой большой угрозе миру - о русском национальном самосознании. Запад идет по дорожке Гитлера - война русским, а не коммунизму. Результат не трудно вообразить: слабеющий коммунизм попытается воспользоваться русским патриоти-

ческим чувством. Так уже было в 1941-45 годы, «когда впервые - в масштабе многомиллионном и полностью на глазах всего мира, коммунизм оседлал русский национализм, убийца оседлал полуубитого - и в Америке, и в Англии не только никого это не утратило, - но вызвало единодушный восторг всего западного мира, и «России» простили ее неблагозвучное название и всякую недобрую память прошлого, ее впервые безоглядно полюбили (парадоксально: когда она перестала быть сама собой) - и ликовали и аплодировали: потому что такое оседлание тогда спасало западный мир от Гитлера» (31). Запад не допускал, что у русских есть чувства, кроме прокоммунистических. На самом деле подсоветские народы (во всяком случае - взрослое трудящееся население) после 22 июня 1941г. зажили нетерпеливым ожиданием скорого освобождения от паразитов. Могучая Красная Армия отступала небывало в мировой и русской истории, убегала пешком, но с автомобильной скоростью, вглубь материка. За короткое время сдалось более трех миллионов солдат и офицеров! Сделал ли Запад выводы из нежелания угнетенных защищать эту кровавую власть? Нет, и предпочел союз со Сталиным, лишь бы заслониться от Гитлера несчастными народами СССР, использовать их как пушечное мясо.

С другой стороны, если бы Гитлер не шел со специальной антирусской задачей: часть народа истребить, а часть - обратить в рабство, то никогда бы коммунизм не оседлал русский патриотический подъем. Но мало того, что Запад был равнодушен к нашим бедам, он совершил прямое предательство русского движения, искавшего третий путь: использовать эту войну для освобождения от коммунизма. Конечно, оно было (лишь формально) включено в состав гитлеровской империи. «Но для Запада всякий, кто хотел бы освободиться от коммунизма в ту войну, - был предатель дела Запада. Пропади хоть все народы Советского Союза и погибни в советских концлагерях сколько угодно миллионов, - лишь бы Западу благополучно и побыстрее выйти из этой войны. Так пожертвовали сотнями тысяч этих русских, и казаков, и татар, и кавказцев: не разрешили даже сдаться в плен американцам, а выдали на расстрелы и расправу в СССР» (32).

Тогда западным политикам казалось, что, заплатив коммунистам миллионом-другим глупых людей, можно купить вечный мир. Так же безнадобно пожертвовали Восточной Европой, простили Восточный Берлин (1953), Будапешт (1956), Прагу (1968), давали себя дурачить «хельсинским процессом» и обманными женеvскими переговорами. Нельзя обманываться: никакого сговора с коммунистической доктриной быть не может. Или она восторжествует во всем мире, или - повсюду

рухнет. Поэтому близоруко загораживаться от СССР Китаем, не понимая, что, во-первых, может произойти неожиданное примирение двух коммунизмов, встанущих единым фронтом; а, во-вторых, если и не примирятся, то миллиардный Китай, вооруженный Америкой, легко справится с ней после своей победы над СССР. Следует понять, что естественные союзники Запада - это поработанные коммунизмом народы, а вовсе не какие-то «голуби» в советском (или китайском) руководстве.

Это мощное наступление Солженицына против слабостей и заблуждений Запада вызвало решительные возражения в американской печати, на которые он ответил статьей «Иметь мужество видеть». Для Солженицына различие Добра и Зла - основное условие познания истины. Во всем мире, считает он, Истина одна - Божья, и все мы осознанно или неосознанно стремимся к ней прикоснуться. Отказываясь от духовных оснований познания, мы теряем путь к истине, путь к очевидности. И вот Солженицын подчеркивает коренное отличие своего подхода к коммунизму, указывая, что его оппоненты «избежали кардинального вопроса, а жаль: коммунизм («чистый», марксистский) - зло или нет? Способен он «подобреть и излечиться»? Угрожает он, как удав, удушением всему остальному миру, или нет?» (33). Солженицын, надеясь, что скоро в США к власти придут выдающиеся руководители, предлагает им ввести в бой ... Слово! «Единственная и глубокая политика Соединенных Штатов может состоять не в заигрывании с каждым переворотчиком в шатко-нейтральной стране, не в угождении каждому советскому эмиссару, который представляет не население, а свою правящую клику, не в игольчатом балансировании между мнимо соперничающими коммунистическими фракциями, - но: открыто стать на сторону всех поработанных народов против поработившего их всемирного коммунизма. Открыть пропагандное наступление такой же силы и проницательности, как 60 лет ведут коммунисты против вас...» (34).

Одновременно Солженицын углубился в исследования новейшей российской истории, которые приводят его к выводу, что ее переломным моментом является февральская революция Семнадцатого года. Погрузившись в события конца XIX - начала XX веков, Солженицын на каком-то этапе с ужасом обнаружил, что советское оппозиционное «демократическое движение» повторяет ошибки предреволюционной российской радикальной интеллигенции: «Так с удивлением замечаем мы, что наш выстраданный плюрализм - в одном, в другом, в третьем признаке, взгляде, оценке, приеме - как сливается со старыми реведами, с

«неиспорченным» большевизмом? И в охамлении русской истории. И в ненависти к православию. И к самой России. И в пренебрежении к крестьянству» (35). В отрывке «Наши плюралисты» из Седьмого Дополнения к книге «Бодался теленок с дубом» Солженицын в последней надежде взывает к идеологам «демдвижа», предупреждая, что повторения еще одного Февраля России не пережить. Нельзя, размышляя о будущей России, ограничиваться рассуждениями только о «всеобщих правах человека»: «А - переходный период? Любую из западных систем - как именно перенять, через какую процедуру? - так, чтоб страна не перевернулась, не утонула?» (36).

К этому же вопросу - каков должен быть механизм перехода к демократии - Солженицын возвращается в своих «поисковых соображениях» «Как нам обустроить Россию». Вновь напоминая о угрозе взрыва межнациональных войн, говоря о необходимости уточнить границы, заняться переселением, он предлагает и постепенный переход от советской системы, скомпрометировавшей себя, к земству. Он подчеркивает, что экономическая и правовая реформа - еще не гарантирует выздоровления общества: «... государственное устройство - второстепеннее самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве - допустим любой добропорядочный строй, при людском озлоблении и шкурничестве - невыносима и самая разливистая демократия. Если в самих людях нет справедливости и честности - то это проявится при любом строе. ...Кроме *прав* человек нуждается отстоять и душу, освободить ее для жизни ума и чувств» (37).

... Пути России неведомы. Мы делаем лишь первые, робкие шаги навстречу неизвестности. И от того, прислушаемся ли мы к слову Солженицына, будет зависеть выздоровление грядущей России.

В нижеследующем тексте: римские и арабские цифры означают том и страницу собрания сочинений (Вермонт-Париж, 1978) А.И.Солженицына.

1. Нобелевская лекция. IX, 9.
2. Там же. IX, 22.
3. Пресс-конференция в Мадриде 20.03.1976. X, 331-332.
4. Предисловие к сборнику «Из-под глыб». X, 442.
5. Пресс-конференция в Мадриде 20.03.1976. X, 332.
6. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни. IX, 47-48.

7. Великопостное письмо Всероссийскому Патриарху Пимену. IX, 124.

8. Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви. IX, 179.

9. Там же. IX, 184.

10. Мир и насилие. IX, 125.

11. Там же. IX, 129.

12. Там же. IX, 131.

13. Бодался теленок с дубом. Париж, 1975. С. 464. Позже, в феврале 1979, Солженицын уточнит: « Я обращался, собственно, не к этим вождям. Я пытался прометить путь, который бы мог быть принят другими вождями, вместо этих. Которые внезапно бы пришли вместо них». (Интервью компании ВВС. X, 370). Примечательное признание! Высмеивая братьев Медведевых за их надежды только на смену поколений в советском руководстве, Солженицын и сам учитывает такую возможность. Другое дело, что средоточие изменений видится ему в отказе от лжи.

14. Письмо вождям Советского Союза. IX, 141.

15. Там же. IX, 164.

16. Слово при получении премии «Золотое клише». IX, 178.

17. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни. IX, 64.

18. Образованщина. IX, 115. Замечу, что если Солженицын и включает в свои построения категорию «нация», приписывая ей волю и мышление, то видя в ней черты личности.

19. Вскоре, в начале 80-х, свободный мир смог выделить наверх мужественную элиту - прежде всего, Р.Рейгана, М.Тэтчер, Г.Коля, смог сплотиться против «раковой опухоли XX века». Гибельная разрядка была прекращена, помощь мировому захватчику пресекли, было поддержано народное сопротивление в Анголе, Афганистане, Никарагуа, нанесет превентивный удар в Гренаде, дан был внушительный ответ на военные амбиции СССР, и к 1985 коммунистический дуб зашатался и вскоре рухнул. Вклад Солженицына в такой исход дела нельзя переоценить.

20. Речь в Гарварде. IX, 285. Интересно, что после нескольких лет жизни на Западе Солженицын медленно сместился в сторону либерального консерватизма от либерализма. В самом деле, сравним цитируемое высказывание с соответствующим местом из «Архипелага»: «Конечно, не нужна свобода тому, у кого она уже есть. Это и мы согласимся: в конце-то концов, дело не в политической свободе, да! Не в пустой свободе цель развития человечества. И даже не в удачном политическом устройстве общества, да! Дело, конечно, в нравственных основаниях общества! - но

это в конце, а в начале? А - на первом шаге?» (Волга. 1990. N 1. С. 50). Не то чтоб противоречие, но ударение сделано по-иному. Разгадка, вероятно, в том, что Запад видится с Востока «страной святых чудес», чем на самом деле не является.

21. Там же. IX, 286.

22. Там же. IX, 295-296.

23. Там же.

24. Чем грозит Америке плохое понимание России. IX, 305.

25. Там же.

26. Там же. IX, 308.

27. Там же. IX, 309.

28. Там же. IX, 313-314.

29. Там же. IX, 316-317.

30. Там же. IX, 318.

31. Там же. IX, 325-326.

32. Там же. IX, 327-328. Солженицын также не раз отмечал, что это было не первое предательство Западом России в XX веке - в гражданскую войну было отказано в помощи тем самым русским генералам, которые спасали союзников на Марне, Сомме, Вердене. Не надеясь на Запад, Солженицын приходит к выводу, что освобождение России может произойти только изнутри.

33. Иметь мужество видеть. IX, 359.

34. Там же. IX, 360.

35. Наши плюралисты // Вестник РХД. Париж, 1983. N 139. С. 160.

36. Там же. С. 152.

37. Как нам обустроить Россию: посильные соображения. Л., 1990. С. 28.